18.12.97

Андреев Николай

Культура. – 1997 – 18 дек. – С 10

РЕТРОСПЕКТИВА

Кто рисовал Сталина

Вадим ОЛЬШЕВСКИЙ

Много лет назад, где-то в середине пятидесятых годов, случай привел меня в один московский дом (помнится, в районе Семеновской площади), где мне и довелось выслушать донельзя заинтриговавшую меня повесть хозяйки квартиры.

Но сначала скажу о том, что послужило поводом к написанию этих заметок. Поводом же явилась некая публикация в газете, где вспоминался (в тонах самых добрых) художник Дмитрий Аркадьевич Налбандян и говорилось, что он писал с натуры портреты Сталина и Брежнева. Кажется, заметка так и называлась: "Ему позировали Сталин и Брежнев". Будучи близким знакомым Налбандяна, вхожим в его мастерскую, я знал, казалось бы, каждый холст художника и как он над ним работал, и вдруг?! Это Серов в свое время запросто усаживал у мольберта царя Николая, и тот служил его кисти моделью, но чтобы Сталин?! Да, собственно, живописание в "области вождя" одно только и знало – фотографию. То было странное, "заочное" искусство, которое тем не менее не казалось странным. Нынче каждый художник счел бы для себя такого рода занятие предосудительным, но тогда это было в порядке вещей. Ну а Налбандян? И он был, как все.

Правда, у себя в кладовке (почему в кладовке?) держал он один этюд и редко кому показывал – генералиссимус в фуражке, давал понять, что писан с натуры, но при каких обстоятельствах – многозначительно умолкал.

Рассказывал, как для картины, изображающей Брежнева на трибуне Хельсинкского совещания, поехал в Хельсинки и там писал трибуну торжественного зала. Фигуру же рисовал с манекена, а цвет костюма (был у "Ильича" такой очень красивый синий костюм) воспроизвел по памяти.

Единственный случай, когда напрямую нарисовал генсека, – это на съезде в Кремле, рисовал из первого ряда, в перерыве получил автограф, любил о том говорить.

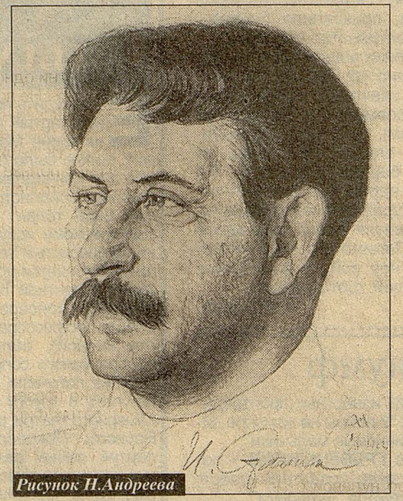

Рисунок Н.Андреева

И все-таки, хоть кто-то, хоть однажды изобразил с натуры Сталина? Да, в двадцать втором году Николай Андреев, создатель знаменитой "Ленинианы", исполнил галерею графических портретов тогдашних первых лиц партии и государства и в их ряду портрет Сталина. Признаться, на месте Сталина дорого бы я дал, чтобы этого портрета не было, хотя будущий вождь своей подписью удостоверил, что с подлинным верно. Мастер-психолог проникновенный, ни на йоту не склонный к идеализации какой-либо своей модели, Николай Андреев вольно ли, невольно выявил черты внешности, характера, которые отнюдь не украшали сорокадвухлетнего партийного функционера. Отважимся сказать, есть в этом малоинтеллигентном лице на рисунке художника, в явно небритой физиономии что-то такое, что вправе обратить нас к известному фильму, поставленному по повести Фазиля Искандера, где мальчику из абхазского селения, занятому поисками пропавшей козы, встречается на лесной дороге тоже некто малоинтеллигентный и небритый, только что ограбивший пассажиров на пароходе.

Какие же еще, пусть даже условно, возникают имена? Довелось в свое время слышать, что вроде бы предложения относительно портретов Сталина делались Нестерову и Мухиной. Надо полагать, назывались эти имена потому, что это были большие имена. Но, известно, Нестеров портретировал только тех, кого годами знал душа в душу, а к тому же до конца дней подписывался на своих полотнах "Нестеровъ", с твердым знаком, даже в этом являл характер, – стал бы он писать портрет "кремлевского горца"! Ну а Мухина? Сильный она была человек, Вера Игнатьевна. Вот кто мог бы смотреть в глаза Сталину. Но он сам, можно было бы спросить, он бы смотрел ей в глаза, зная, что искусство безжалостного художника разденет его до нитки?

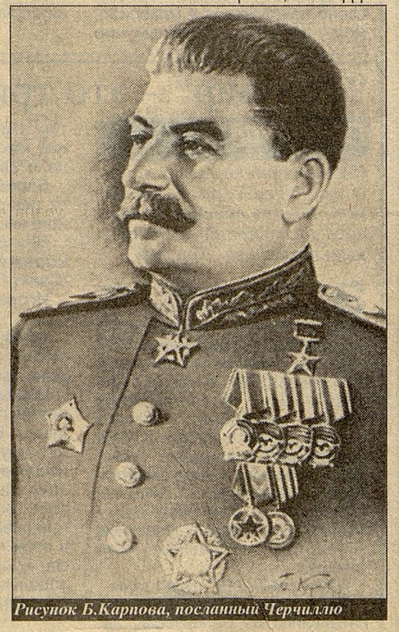

Рисунок Б.Карпова, посланный Черчиллю

Впрочем, какая надобность толковать о том, чего не было и быть не могло? Зачем он был нужен, портрет "вождя", индивидуализирующий личность, хотя бы его написал самый талантливый художник, если культ "вождя" утверждал свой канон, и живой, правдивый портрет шел бы наперекор установленному статусу почитания?

Отступление лирическое. В пору студенческую мне довелось подрабатывать в художественной мастерской. То был вертеп сыновей и пасынков богини Халтуры. "Сухая кисть" с использованием трафаретов производила продукцию слащавую и наглую. "Самого" делали мэтры, моим амплуа был Каганович. В день я изготовлял по нескольку "кагановичей". Меня и теперь разбуди среди ночи – нарисую Лазаря Моисеевича.

Под эталонными изображениями, по которым размечались трафареты, значилось имя Карпова.

Отступление эпическое. В феврале 1945-го на Ялтинской конференции главы трех великих держав – экие сентименты! – договорились обменяться фотографиями. Черчилль исправно сдержал обещание (сведения по книге "Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании"), а от нашего – нет и нет. И только под конец войны или даже после войны (Рузвельта уже не было в живых) сэр Уинстон сообщает: дорогой маршал (тогда еще маршал), ваш портрет получен. То был рисунок Карпова.

Кто это – Карпов? Тогда, в сталинские годы, от настенных календарей, почтовых конвертов множились и множились изображения "вождя", и под ними стояла подпись "Карпов". Помнится, в полуголодное то время вышла книга "О вкусной и здоровой пище", это было роскошное издание, гостям книгу показывали, будто Библию с иллюстрациями Доре, и открывал ее все тот же портрет Сталина, нарисованный Карповым. Художество Карпова издавалось в объемах, превышающих всякое воображение, говорили, что он ездит в автомобиле, который принадлежал румынскому королю Михаю...

Ну вот мы и возвращаемся в квартиру на Семеновской. Карпов был супругом хозяйки квартиры.

Привела меня в тот дом просьба кого-то из знакомых посмотреть картину, которую ее владелица хотела отдать в музей. Картина оказалась немудрящей жанровой сценкой, принадлежавшей кисти хозяина, уже отошедшего в мир иной.

Вот что довелось мне услышать. В дни войны Карпова приглашали к Сталину. Сеансы происходили в подземном бункере у Кировских ворот. Рисовать разрешалось не портрет целиком, но части лица — нос, брови, усы. По выходе зарисовки отбирались, можно было оставить только записи: какой нос, какие брови, какие усы.

Я не прерывал – любой знак вопроса переходил в восклицательный и восклицательный – в вопросительный. Допустим, Сталин бывал, мог бывать в этом самом "бункере" – на узле связи Ставки Верховного главнокомандования, который точно помещался в подземном зале метро "Кировская". Но какая надобность была назначать встречу с художником на узле связи, само местонахождение которого хранилось в глубочайшей тайне? Уж коли понадобился художник, то что – не было места другого, времени другого? Да и порознь усы и нос – разве не сюжет для Сальвадора Дали? А то, что рисунки отбирали? Впрочем, это хоть как-то могло быть объяснено: чтобы нос товарища Сталина не пошел гулять по рукам. Но все же задал я вопрос: какой рисунок Карпова был послан британскому премьеру? А равно, как довелось слышать, – в подарок Тито: портрет стоял у него на столе. Ответ не заставил себя ждать – была раскрыта книга, биография Сталина, и на вкладке я увидел тысячи раз виденный портрет: в типографском исполнении он висел в любой булочной и парикмахерской, а в праздничные дни, когда шли демонстрации и воинские парады, красовался на стенах ГУМа. Он и сейчас передо мной, когда я пишу свои строки, – в "Краткой биографии" Сталина, изданной в 1950 году тиражом 6 375 000 (!) экземпляров и доселе без всякого к ней интереса стоящей в книжном шкафу. Ничего не скажешь, красив Сталин, каким представил его Карпов! В маршальском мундире с золотым шитьем на воротнике, со всеми своими девятью орденами, благолепный и прозорливый – одно слово "вождь". Сам себе и храм, и икона. То-то усмехнулся, должно быть, Черчилль, получив в обмен на свою цивильную "фотку" этакий знак державной фанаберии!..

И так, кто же портретировал Сталина, писал, рисовал его с натуры, если не считать того рисунка Николая Андреева, о котором говорилось вначале? А никто. Остались фотографии, кадры хроники, но взгляд художника не прикоснулся к человеческому, земному облику Верховного Существа.

И все же есть – есть! – портрет Сталина, писанный с глазу на глаз. Пусть не кистью живописца – пером жандармского полковника. Было это в 1908 году в Баку, когда молодой революционер Иосиф Джугашвили, попавшийся охранке под именем Гайоза Нижерадзе, препровождался в тюрьму. Дотошный служака обстоятельно описал внешность своего подопечного. Читаем (по книге Дм.Волкогонова "Триумф и трагедия"): волосы "черные и густые", лицо "рябое, с оспенными знаками", лоб "прямой и невысокий", глаза "впалые карие с желтизной", рост "2 арш. 4,5 верш." (163 см), телосложения "посредственного", руки – "одна из них, левая, сухая", на левой ноге "2 и 3 пальцы сросшиеся"... В апреле 1917 года призывная комиссия в Красноярске освободила ссыльнопоселенца Джугашвили от призыва в армию. Если бы не сухая рука, не эти самые пальцы, загремел бы будущий "вождь" в солдаты да попал на войну, а на войне, как известно, стреляют, и, как знать, может, и не понадобились бы портреты...

Он сам написал свой портрет – величественный и страшный. ●